

Три дня — это максимальный срок, который Шангуань Чэньму мог себе позволить. Нынешняя битва показала: даже если те, кто идет по Пути Инь-Ян, оказались потрясены тайным искусством Шангуань Линсюэ, это вовсе не значит, что их алчные помыслы развеялись. Если клан Шангуань не поторопится объявить наследника и не даст молодому поколению утвердить свой авторитет, боюсь, в скором времени не избежать новых потрясений. Опасения главы клана и слова старшей сестры, должно быть, сводятся именно к этому.

— Ступай, проведай Линсюэ и Лююнь, — Шангуань Чэньму поднял голову, окинул взглядом разоренную тренировочную площадку и, повернувшись к Шангуань Хаюэ спиной, произнес это с ноткой печали в голосе.

Шангуань Хаюэ закусил губу, сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять смятение в душе, и тихо ответила:

— Хаюэ откланивается.

Она поднялась и, волоча тяжелые ноги, шаг за шагом покинула площадку. В воздухе все еще висел слабый запах крови — крови ее сородичей из клана Шангуань.

Тем временем в изящной комнате западного флигеля из курильницы Сюаньни поднимались тонкие струйки дыма, наполняя воздух странным ароматом.

— Госпожа Мо, лечение — это внутреннее дело нашего клана. Вы — почетный гость в поместье Шангуань, так что прошу, перейдите в передние покои и не вмешивайтесь, — раздался голос сикигами Гуй-су в комнате Шангуань Лююнь.

— Ха! У маленького сикигами такой спесивый тон! Думаете, ваших навыков хватит, чтобы ее спасти? Самоуверенность граничит с глупостью! На мой взгляд, вам стоит сначала достичь силы Сикигами Четырех Символов, а потом уже разбрасываться такими словами! Если бы не моя Пилюля Небесного Сердца, защитившая ее духовные каналы, думаете, Шангуань Лююнь была бы еще жива? Помните: я, Мо Сяофэн, решила вмешаться, значит, буду до конца, и эту девицу я вытащу с того света во что бы то ни стало!

Шангуань Хаюэ, едва войдя в западный флигель, услышала спор между Куй-су, Гуй-су и Мо Сяофэн. Она знала о дружбе между Шангуань Лююнь и Мо Сяофэн. Кто бы мог подумать, что эта высокомерная на вид наследница клана Мо на самом деле окажется столь преданной и верной в дружбе.

— Госпожа Мо, если вы настаиваете на том, чтобы ставить моих братьев в такое неловкое положение...

— Куй-су! Гуй-су! — услышав, что спор разгорается с новой силой, Шангуань Хаюэ поспешно прервала их.

— Юная госпожа! — увидев ее, Куй-су и Гуй-су слегка вздрогнули. Переглянувшись, они склонили головы и почтительно поклонились.

— Вы оба свободны. Лечением займемся я и госпожа Мо. Ступайте лучше к Цзяо-су и Доу-сю, помогите им присмотреть за старшей сестрой. Вы, Четверо Созвездий, всегда действуете сообща, так что вместе вам будет легче помочь сестре поправиться, — распорядилась Шангуань Хаоюэ.

— Но, юная госпожа, глава клана приказал, чтобы третья госпожа... — Гуй-су хотел было возразить, но Куй-су дернул его за рукав, и, осознав нечто важное, тот мгновенно замолчал.

— Раз юная госпожа так велит, мы удаляемся! — Куй-су коротко поклонился, развернулся и вышел. Гуй-су последовал за ним, напоследок бросив тревожный взгляд на лежащую без сознания Шангуань Лююнь и на присутствующих в комнате. Нахмурившись, он тоже вышел.

Дождавшись их ухода, Мо Сяофэн поднялась, закрыла дверь и наложила на нее защитный барьер, чтобы никто не помешал.

Шангуань Хаоюэ подошла к ложу, где лежала бледная, лишенная чувств Шангуань Лююнь. В груди Хаоюэ будто вонзился кинжал.

— Столь легко довериться постороннему человеку — смелости вам не занимать, госпожа Шангуань! — Мо Сяофэн, закрыв дверь, обернулась и, смерив Хаоюэ оценивающим взглядом, усмехнулась.

— Я верю вам, потому что вы — подруга моей третьей сестры. Раз сестра верит вам, то и я верю, — Шангуань Хаоюэ подняла взгляд на Мо Сяофэн. Ее лицо еще хранило детские черты, но в глазах светилась непоколебимая решимость.

— Разве сестра не учила тебя, что в этом мире не каждому другу можно доверять? — Мо Сяофэн прищурилась и, подходя ближе, с улыбкой спросила ее.

— Что вы хотите этим сказать? — тон Мо Сяофэн заставил Шангуань Хаоюэ насторожиться. Она нахмурилась и, встав перед лежащей сестрой, с тревогой спросила: — Госпожа Мо, к чему эти слова?

— Ничего особенного. Просто хочу сказать, что тебе стоит радоваться — в этот раз ты сделала верную ставку. Но не всегда ты будешь столь удачлива. В этом мире много иллюзий: то, что ты видишь и слышишь, не всегда является истиной. — Сказав это, Мо Сяофэн достала из-за пазухи крошечный фарфоровый флакон и бросила его Хаоюэ. — Раздень ее и нанеси мазь. Это секретное лекарство клана Мо для сращивания костей и восстановления жил. Мы редко делимся им с посторонними, так что ей сегодня повезло!

Шангуань Хаюэ, сжимая флакон, на мгновение замерла, но тут же опомнилась. Она поспешно развязала одежду Шангуань Лююнь и стала наносить лекарство на страшные, с запекшейся кровью раны.

Пока Хаюэ была занята, Мо Сяофэн достала из сумки из оленьей кожи талисман и небольшой мешочек. Бросив содержимое мешочка в курильницу Сюаньни, она вскоре наполнила комнату резким запахом.

— Госпожа Мо, что вы подожгли? — Шангуань Хаюэ отставила флакон и нахмурилась.

— Всего лишь аромат Линлин, не волнуйтесь, — успокаивающе улыбнулась Мо Сяофэн.

— Аромат Линлин?

— Как, вы не знаете? — удивилась Мо Сяофэн. В конце концов, это снадобье не было редкостью, а для тех, кто идет по Пути Инь-Ян и часто сталкивается с миазмами и ядами, оно было просто необходимо. Она и подумать не могла, что юная госпожа клана Шангуань о нем не слышала!

— Я слышала название, но никогда не видела его в деле, поэтому не знаю о его свойствах, — опустив голову, тихо ответила Шангуань Хаюэ.

— В «Книге гор и морей» сказано: есть трава, именуемая Сюньцао, листья которой подобны конопле, стебель квадратный, цветы красные, а плоды черные. Запах ее подобен миву, и если носить ее при себе, можно исцелиться от болезней. Эта Сюньцао и есть основа аромата Линлин. У вашей третьей сестры много ран, к тому же она истощила духовную силу и цзин-юань, а в организме скопилась скверна. Ей необходимо подышать этим дымом, чтобы очистить каналы сердца и изгнать зло. — Говоря это, Мо Сяофэн приклеила талисман к изголовью кровати.

Стоило аромату коснуться красных чернил на бумаге, как они потемнели, а дым словно притянуло к кровати Шангуань Лююнь.

Мо Сяофэн подошла к ложу, осторожно опустила легкий шелковый полог и тихо сказала Хаюэ:

— Аромат должен воздействовать несколько часов. Давайте выйдем и дадим ей отдохнуть.

Шангуань Хаюэ нахмурилась, глядя на полог, скрывавший сестру. Она колебалась. Теперь, когда стало очевидно, что кто-то замышляет недоброе против клана Шангуань, она боялась оставлять Лююнь одну.

Заметив ее состояние, Мо Сяофэн добавила:

— Я наложила на дверь печать. Если кто-то чужой войдет, я мгновенно узнаю. Не беспокойтесь.

Хотя сомнения остались, Хаоюэ, поразмыслив, последовала совету. Она еще раз поправила одеяло на сестре и, постоянно оглядываясь, вышла из комнаты.

— Я буду караулить здесь. Госпожа Шангуань, останетесь? — закрыв дверь и добавив еще одну печать, спросила Мо Сяофэн.

Шангуань Хаоюэ посмотрела на дверь, где мерцали следы барьера, затем на Мо Сяофэн, которая уже уселась в позу лотоса прямо перед входом. Успокоившись, Хаоюэ ответила:

— Благодарю вас, госпожа Мо. Мне нужно навестить старшую сестру, так что я пойду.

— Как пожелаете, — отозвалась Мо Сяофэн и закрыла глаза.

Хаоюэ поклонилась и направилась в восточный флигель.

Там обстановка была такой же строгой, но каждая деталь подчеркивала статус хозяйки. На столе из ароматного палисандра лежали древние книги из коллекции клана, рядом стояла ширма из красного дерева с вырезанными мифическими зверями.

За ширмой Четверо Созвездий — Цзяо-су, Доу-сю, Куй-су и Гуй-су — окружили кровать из сандалового дерева с инкрустацией, вливая духовную силу в тело Шангуань Линсюэ.

Когда Хаоюэ вошла, они как раз закончили.

— Юная госпожа! — Цзяо-су, старший из них, немедленно отошел в сторону и почтительно поклонился.

— Как она? — Хаоюэ с тревогой посмотрела на изнуренных братьев.

— Мы сделали все, что могли. Угрозы жизни больше нет, но повреждены духовные каналы. Боюсь, даже когда раны затянутся, ее заклинательная сила будет значительно слабее, чем прежде, — ответил Цзяо-су.

Хаоюэ посмотрела на Линсюэ. Сердце сжалось от боли. Неужели все кончилось так? Для Инъян ши повреждение духовных каналов равносильно смерти.

— Благодарю вас за труды, — Хаоюэ села у кровати, повернувшись спиной к сикигами, и с трудом сдержала слезы.

— Юная госпожа, вы нас смущаете. Раз опасности нет, нам пора доложить главе клана, — Цзяо-су, видя ее покрасневшие глаза, вздохнул и поклонился.

Хаоюэ молча кивнула. Сикигами переглянулись и вышли. В комнате остались только сестры.

Хаоюэ взяла ледяную руку Линсюэ. Лицо сестры было бледным, и даже после обработки ран на нем виднелись темные отметины. Хаоюэ не знала, что та встретила в массиве. Линсюэ, возможно, не была столь сильна, как Лююнь, но она была старшей дочерью, которую клан растил с особой тщательностью, и долгие годы помогала главе управлять делами клана. С ее способностями она едва ли могла пострадать, если только не встретила нечто настолько же ужасное, как та змея.

Вспомнив, что Лююнь говорила о заговоре, Хаоюэ ощутила холод, пробежавший по спине. В конечном счете, она сама была слишком слаба, слишком ленива в тренировках, не слушала советов старших, и это привело к беде. Она крепче сжала руку сестры и наконец разрыдалась.

— Старшая сестра, проснись скорее. Хаоюэ клянется: если вы с третьей сестрой поправитесь, я больше не буду лениться. Прощу вас, очнитесь...

В комнате раздавались тихие рыдания, слезы катились по лицу девушки.

Снаружи, у западного флигеля, Мо Сяофэн, медитируя, внезапно почувствовала аромат персиковых цветов — точно такой же, как у того вина, что она пила с Шангуань Лююнь. Она нахмурилась и открыла глаза, но вокруг никого не было.

Она вздохнула и посмотрела на дверь комнаты Лююнь:

— Шангуань Лююнь, мы же договорились выпить вместе. Не смей так легко умирать!

Ветер колыхал красное платье Мо Сяофэн. А за пределами тренировочной площадки, среди руин, с неба плавно опустилась белая фигура. Лицо скрывала серебряная маска. В руке человек держал прозрачный флакон из белого нефрита, а на запястье сверкал изящный серебряный браслет с узором меча.

Она ступала бесшумно, легко и непринужденно пройдя сквозь остатки массива. Остановившись в конце Пути Белого Тигра, она огляделась, убедилась, что никого нет, и открыла флакон. Темно-желтая жидкость тонкой струйкой потекла в почву, и из земли тут же потянулся легкий дымок.

У западного флигеля воздух был напоен ароматом персиков. Мо Сяофэн сидела на деревянной галерее, погруженная в мысли. Утренние события до сих пор не давали ей покоя. Та, кто всю жизнь соперничала с ней и никогда не уступала, оказалась в таком жалком состоянии... Если

Лююнь проснется и увидит шрамы на своем лице, она придет в ярость! Мо Сяофэн усмехнулась, но тут же помрачнела: если Лююнь не проснется, какая радость останется в жизни на этом Пути Инь-Ян?

В этот момент талисман на двери внезапно вспыхнул и погас. Белая тень метнулась в окно — так быстро, что это можно было принять за галлюцинацию.

Фигура в белом плавно опустилась на пол. Незнакомка в белых одеждах, с волосами, черными как смоль, и серебряной лентой в них, выглядела невероятно изящно. Она взмахнула рукой, и окно само собой закрылось. Холодный взгляд из-под маски скользнул по комнате и остановился на курильнице.

Подойдя к ней, женщина нахмурилась. Она почувствовала неладное. Не раздумывая, она схватила чайник и вылила остатки остывшего чая в курильницу, гася огонь.

Затем она подошла к кровати, сорвала талисман и сжала его в кулаке. Шангуань Лююнь все еще была без сознания, а чернота на ее лбу стала еще заметнее.

Женщина взяла руку Лююнь и, приложив пальцы к пульсу, затаила дыхание. Пульс был слабым, дыхание едва уловимым. Она нахмурилась еще сильнее.

Она откинула одеяло, обнажив нательную рубашку, а затем и изящные ключицы Лююнь, на которых проступили черные следы. Женщина, казалось, была к этому готова. Она поправила одежду, села в позу лотоса и начала беззвучно читать заклинание. Вскоре ее белые одежды с вышитыми драконами окутало мерцание. Она открыла рот, и из него вылетела жемчужина размером с голубиное яйцо, переливающаяся семью цветами.

Женщина взяла жемчужину, глубоко вздохнула, чтобы восстановить силы, и подошла к постели. Шангуань Лююнь чувствовала лишь холод, пронизывающий до костей, и лишь в районе сердца теплилась слабая надежда. Духовная сила была скована.

Незнакомка сжала подбородок Лююнь и вложила жемчужину ей в рот.

Внутри Лююнь разлилось тепло, подобное весеннему солнцу. Лед начал таять, кровь — течь по жилам. Она почувствовала, как тепло омывает ее каналы. В груди скопилась муть, и, повинувшись инстинкту, она резко кашлянула, извергая инородный предмет вместе с темной энергией.

Сознание прояснилось, конечности обрели чувствительность, но веки оставались тяжелыми, словно налитыми свинцом. Она видела свет, но сил открыть глаза не было.